

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ К.Л. ХЕТАГУРОВА»

Н.А. АСАЕВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Учебное пособие

ВЛАДИКАВКАЗ-2009

ББК 83.3 (2-Осе)

А 90

А 90 Асаева Н.А. Художественный мир осетинской волшебной сказки / Учебное пособие / Под ред. канд. филол. наук, доц. **Р.С.Кантемировой**; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. – 76 с.

ISBN 978-5-8336-0603-2

Научный редактор – канд. филол. наук, доц. **Кантемирова Р.С.**

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. **Валиева Т.И.**;
канд. пед. наук, доц. **Мисикова Б.Г.**

В учебном пособии производится анализ поэтической системы осетинской волшебной сказки как функционально организованного единства составляющих ее компонентов, исследуется художественно-содержательная роль различных поэтических приемов в их обусловленности особенностями жанров, дается полное аналитическое описание сюжетики, основных мотивов, персонажей, стабильных поэтических структур сказки – традиционных формул и общих мест. К каждой главе прилагается библиографический список избранной научной литературы.

Учебное пособие адресовано студентам филологических факультетов высших учебных заведений. Книга может быть полезна бакалаврам, магистрам и аспирантам филологических специальностей, преподавателям высшей школы, учителям-словесникам средних школ и колледжей гуманитарного профиля, а также широкому кругу читателей.

4603020000-37
А _____ –38 –2009
С190(03)–2009

ББК 83.3 (2-Осе)

ISBN 978-5-8336-0603-2

©Издательство Северо-Осетинского
государственного университета
имени К.Л. Хетагурова, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ.....	12
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ (образ и сюжет).....	22
2.1. Герой-богатырь осетинской волшебной сказки.....	24
2.2. «Иронический удачник».....	27
2.3. Герой, достигающий своей цели благодаря чудесным помощникам.....	30
ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ И ОБЩИЕ МЕСТА ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ.....	35
3.1. Инициальные формулы осетинской волшебной сказки.....	36
3.2. Медиальные формулы и общие места осетинской волшебной сказки...	38
3.3. Финальные формулы осетинской волшебной сказки.....	40
ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ.....	46
МАТЕРИАЛЫ К СПЕЦКУРСУ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ».....	51
Тематика занятий по спецкурсу.....	51
Издания текстов сказок, предлагаемых для работы.....	68
Список сокращений.....	73

Актуальность темы исследования. Сказка является одним из важнейших жанров фольклора. Следуя традиции, сложившейся в науке, ученые выделяют в осетинском фольклоре сказки легендарные, бытовые, новеллистические, волшебные, сказки о животных. Предметом исследования является волшебная сказка, так как она очень привлекательна своим художественным миром. Этот чудесный мир, его фантастические образы и картины представляют интерес для науки и познания художественного мышления народа.

Поэтика волшебной сказки разных народов более ста лет привлекает внимание фольклористов. В последнее время появились работы общего характера, посвященные сказкам разных народов Северного и Западного Кавказа.

Между тем в произведениях названной разновидности сказок «национальная специфика ощущается особенно конденсированно: в отборе излюбленных сюжетов, в образах положительного героя, в личинах сказочных чудовищ, в конкретных сказочных формулах»¹. Кроме того, волшебная сказка характеризуется многообразием сюжетов и персонажей, богатством изобразительно-выразительных средств, что делает ее важной составной частью духовной культуры осетин. Актуальность данного исследования определяется как неизученностью означенной проблемы, так и ее научно-теоретической значимостью.

Цели и задачи исследования. Основная цель настоящего исследования – анализ поэтической системы осетинской волшебной сказки как функционально организованного единства составляющих ее компонентов, исследование художественно-содержательной роли различных поэтических приемов в их обусловленности особенностями жанров. В связи с тем, что в работе рассматривается взаимодействие осетинской волшебной сказки с Нартовским эпосом, ставится также цель выявить перечень сюжетов, эпизодов и мотивов, общих для произведений разных жанров, определить

¹ Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М., 1963. – С. 71.

специфику их разработки, интерпретации и функционирования в каждом из них.

Задача настоящего исследования – дать полное аналитическое описание сюжетики, основных мотивов, персонажей, стабильных поэтических структур сказки – традиционных формул и общих мест.

В основу исследования положены историко-сравнительный и историко-типологический методы. С их помощью выявлено сходство не только сюжетов и типов героев осетинских, абхазских и адыгских сказок, но и идентичность их художественных средств, обусловленное длительными историческими и этнокультурными контактами. При этом основное внимание в работе сосредоточено не только на определении связей осетинской волшебной сказки со сказками других народов, но и на выявлении ее своеобразия.

При сопоставлении волшебной сказки с этнографическими материалами, в работе решена проблема генезиса основных мотивов (мотив чудесного рождения, мотив героического сватовства и др.).

Научная новизна исследования. Впервые монографически исследуется значительный пласт осетинского фольклора, которому ранее исследователями не уделялось должного внимания. Специальное исследование поэтики и стиля осетинской волшебной сказки до сих пор не предпринималось.

Объектом исследования является осетинская волшебная сказка, ее поэтика и стиль. В работе рассмотрены компоненты поэтики и стиля осетинской волшебной сказки – ее сюжетный состав, система персонажей, традиционные формулы и общие места, наиболее характерные изобразительные средства.

При написании работы привлекались осетинские народные сказки (более 300), опубликованные на протяжении XIX-XX вв. на осетинском языке и его диалектах, архивные материалы и печатные издания советского времени. Из неопубликованных материалов используются записи,

хранящиеся в архивном фонде Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, а также наиболее достоверные в научном отношении публикации осетинских сказок в русском переводе, правомерность использования которых обусловлена сохранением традиционного состава, образов, поэтики.

В качестве сравнительного материала используются, с одной стороны, произведения других жанров осетинского фольклора, в первую очередь – Нартовский эпос, – это позволяет точнее определить своеобразие жанра сказки в системе осетинского фольклора; с другой стороны, изобразительные средства осетинской волшебной сказки соотносятся с аналогичными средствами сказок абхазов, адыгских народов. Кроме того, в работе использованы архивные и опубликованные в различных изданиях этнографические материалы, которые проливают свет на некоторые особенности мотивов и поэтики волшебной сказки.

Теоретической и методологической основой работы явились труды как отечественных, так и зарубежных фольклористов, в частности, В.И. Абаева, Д.Я. Адлейба, А.И. Алиевой, В.П. Аникина, А.М. Астаховой, А.Х. Бязырова, С.Г. Лазутина, Е.М. Мелетинского, В.Ф. Миллера, С.Ю. Неклюдова, Э. В. Померанцевой, В.Я. Проппа, Н. Рошияну, Дж. Дж. Фрэзера и др.

Теоретическая и практическая значимость работы. Данная диссертационная работа является первым исследованием поэтики и стиля осетинской волшебной сказки. Это исследование раскрыло характер взаимоотношений сказки с реальной действительностью, с интересами человека, жанрово-тематический состав волшебной сказки, художественно-стилевые особенности сказок осетин.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при научной классификации осетинского фольклора в целом и сказки в частности. Кроме того, эти результаты могут быть применимы при написании научных трудов по истории и теории народного устно-

поэтического творчества, при изучении осетинского фольклора в высших учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы опубликованы в республиканских журналах «Мах дуг» («Наша эпоха»), в сборниках научных трудов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Отдельные вопросы и положения исследования были представлены на региональных и международных научных конференциях во Владикавказе и Санкт-Петербурге, а также использованы в спецкурсе «Художественный мир осетинской волшебной сказки» на факультете осетинской филологии СОГУ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Значительное место в репертуаре осетинской волшебной сказки занимают универсальные сюжетные типы, имеющие соответствия в международном каталоге Аарне-Томпсона и в фольклоре целого ряда тюркоязычных народов.
2. Самое значительное место среди центральных героев осетинской волшебной сказки занимает герой-богатырь, в образе которого отражены героические идеалы данного народа.
3. В традиционных формулах и общих местах отразилось национальное своеобразие осетинской сказки, художественное восприятие и эстетические идеалы народа.
4. Изобразительные средства осетинской волшебной сказки генетически связаны, с одной стороны, с осетинской мифологией и Нартовским эпосом, а с другой стороны – с реальной жизнью осетин, их бытом, традициями и обычаями.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении аргументируется выбор темы диссертации, обосновывается ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость

работы, определяются цель и задачи, источники, методологические принципы исследования, дается краткий обзор и критический анализ литературы, посвященной данной теме, выявляется состояние исследованности осетинской волшебной сказки.

Глава первая

Сюжетный состав осетинской волшебной сказки как фактор ее поэтики

В первой главе произведено сопоставление сюжетного состава осетинской волшебной сказки с аналогичным жанром абхазского и адыгского фольклора. Для сравнения привлекаются также русские сказки, представляющие более отдаленную в территориальном и культурном смысле сказочную традицию. В результате выявлены осетино-кавказско-славянские константы сюжетов волшебной сказки, а также их дифференцирующие элементы.

Выявлена общность репертуара сказочного фонда народов, близких по историческим судьбам или живущих в одном регионе. При этом учитывалось справедливое замечание В.И. Абаева по поводу сравнительного историко-типологического анализа сказок: «Одним из главнейших недостатков сравнительного метода как в языкознании, так и в фольклористике как раз было преувеличенное внимание к общему и игнорирование особенного».²

В сюжетном составе осетинской волшебной сказки выявлены сюжеты, имеющие соответствия в международных каталогах, сюжеты, имеющие параллели в фольклоре народов Северного Кавказа и целого ряда тюркоязычных народов (они соотносятся с указателем турецких сказок Эберхарта – Боратава).

Проведенный анализ сюжетного состава осетинской волшебной сказки показал, что основное место в ней занимают универсальные сюжетные типы.

Важно отметить специфику отбора и интерпретации в осетинском фольклоре «международных» сюжетов. Это связано с социальной историей осетин, своеобразием их нравов, быта, художественных традиций. Анализируя репертуар литовских волшебных сказок, Б.П. Кербелите отметил, что «условия жизни отдельного народа, его национальный характер также выражаются в предпочтении одних сказок и игнорировании других».³

Анализ разных сюжетных типов осетинской волшебной сказки показал, что взаимодействие «международных» сюжетов с сюжетами, известными лишь фольклору данного народа, характерно сказкам разных народов Северного Кавказа. Поэтому можно утверждать о наличии единого северокавказского волшебного сказочного цикла. При этом контаминация «международных» сюжетов со специфически осетинскими и постоянное взаимодействие разных сюжетных типов придают осетинской волшебной сказке неповторимое своеобразие, так как «в рамках одной и той же сюжетной структуры могут создаваться совершенно различные, ярко национальные произведения».⁴

Специальное внимание в работе уделено анализу взаимодействия осетинской волшебной сказки (на уровне сюжета, эпизода, мотива) с Нартовским эпосом. Выявлена общность различных сюжетов, эпизодов и мотивов для произведений разных жанров, показано преобразование семантики разных сюжетов, эпизодов, мотивов в зависимости от разных исторических условий, интерпретации и функционирования в каждом из них. При этом главное внимание сосредоточено на взаимодействии различных жанров осетинского фольклора, так как именно это взаимодействие является определяющим фактором важнейших особенностей поэтики осетинской волшебной сказки.

² Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса / Нартский эпос: Материалы совещания. – 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе, 1957. – С. 29.

³ Кербелите Б. К вопросу о репертуаре литовских волшебных сказок / Фольклор балтских народов. – Рига, 1968. – 177- С.178.

⁴ Абаев В.И. Миф и история в гатах Зороастра / Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н.И. Конрада. – М., 1974. – С.31.

Как показал анализ основных сюжетных типов, в репертуаре осетинской волшебной сказки преобладают произведения *о борьбе героя с врагами*. В качестве антагонистов сказочного героя выступают иноэтнические противники, социальные антагонисты, мифологические чудовища (великаны – «Æрæджиау æмæ йæ авд æфсымæры» – «Запоздалый и его семь братьев», «Хъараман-паддзах» – «Царь Караман», «Сарты фырт» – «Сын Сарта»; драконы – «Фосы Фæлвæрайы фырт Дзудзумар» – «Дзудзумар, сын Фалвара – покровителя мелкого скота», «Фаззæттæ» – «Близнецы», «Авдсæрон урс уæйыджы æмæ залиаг калмы аргъау» – «Сказка о семиголовом белом великане и залиаг змее»; карлики – «Уыдисны рихи-уылынг лæг» (букв.: Ус четверти – человек длиною в пядь) и т.д.).

Большое место в номенклатуре волшебных сказок занимают сказки, посвященные теме верности в дружбе и любви, находчивости, отношения мачехи и падчерицы и т.д. Наверное, именно поэтому в осетинской волшебной сказке обнаружено большое количество рассказов раздела «Чудесный помощник». Это связано с тем, что сказки на эти темы во многом соответствуют представлениям об этическом идеале как осетин, так и абхазо-адыгских народов.

Известна сила воздействия национального этикета на сознание и поведение осетин. Это своеобразный кодекс неписаных законов, в котором сформулированы правила поведения в обществе, в семье, между людьми разного возраста, пола, между представителями разных социальных слоев, между врагами и т.д. Поэтому в осетинском репертуаре многие «международные» сказочные сюжеты принимают специфическое, нетрадиционное оформление.

Среди осетинских волшебных сказок особо выделяются *сказки о чудесно рожденном богатыре*. Для волшебной сказки характерно, что ее герой прибегает к помощи чудесных предметов, средств или помощников. Герой осетинской волшебной сказки, как и абхазской и адыгской, во многих случаях не прибегает к помощи со стороны. Он ведет себя так, как, по

представлениям горцев, должен вести себя настоящий мужчина – горец – патриот, защитник, бесстрашный в бою, наделенный лучшими рыцарскими качествами. К примеру, герой сказки на сюжет «Чудесное бегство», отданный на воспитание великану, вместо того, чтобы убежать от него, совершает богатырские подвиги. Он освобождает из многолетнего плена братьев своего воспитателя («Арсен»). При этом сказочный герой доказывает свое превосходство над великанами, демонстрируя благородство и более могучую силу.

Национальный этикет суров по отношению к женщине – спутнице сказочного героя. Горские адаты требовали от нее преданности, гостеприимства, послушания, трудолюбия: «Трудно найти более трудолюбивую и полезную для дома хозяйку, как осетинка».⁵ Оскорбить женщину считалось величайшим преступлением. Поэтому ее трудовая жизнь в семье, стесненное положение в обществе дают ей по обычаю особые права и преимущества. Этим обусловлено своеобразие сюжетных типов осетинской волшебной сказки. Оно проявляется в том, что жена, в большинстве случаев выступает в качестве помощницы мужа, а в случае необходимости берет в руки оружие, одевает мужскую одежду и мстит за любимого. В сказках на сюжет «Неверная жена» вред герою всегда причиняет жена антагониста, а не его собственная.

В отличие от бытовой сказки, где часто встречаются сюжеты о неверных, сварливых, глупых, упрямых, вредных женах, жена героя волшебной сказки, как правило, отличается преданным и почтительным отношением к мужу. Она становится для него любящей женой, мудрой советчицей, верной помощницей. Ради него она решается даже на самопожертвование («Эрзерумаг цуанон» – «Эрзерумский охотник», «Уыдисны рихи-уылынг лӕг», «Сау æлдара аргъау» – «Сказка о черном алдаре»). Этим осетинская волшебная сказка, как и абхазская и адыгская сказка, отличается от восточнославянской. Жена героя восточнославянской

⁵ Марков Е. Очерки Кавказа. – М., 1825. – С. 170.

сказки часто выступает в качестве вредительницы мужа. Она ставит его в нелепые и глупые ситуации как в бытовых, так и во многих волшебных сказках.

В осетинской волшебной сказке, как и в сказке других народов Кавказа, отсутствуют многие сюжеты из международного каталога. К ним относятся сказки, в которых описываются приключения героя с чертями, ведьмами, лешими, упырями, русалками, привидениями, оборотнями.

Кроме того, в осетинской волшебной сказке не встречаются сюжеты, где повествуется о приключениях сказочного героя на «том свете», в раю или в аду. В отличие от бытовой сказки и анекдота действие волшебной сказки никогда не происходит ни в церкви, ни в мечети. У героя осетинской волшебной сказки, как и у героев других народов Кавказа, не бывает взаимоотношений со святыми или чертями. Также в осетинской волшебной сказке отсутствуют служители православного культа (поп, попадья, дьячок и др.).

Это явление связано со своеобразием социальной истории осетин. Они длительное время сохраняли языческие верования, на которые позже наслоились христианские и мусульманские религиозные представления. Но данные религиозные элементы не нашли широкого отражения в осетинском фольклоре, так как они не проникли глубоко в сознание осетин. Языческие же представления, напротив, ярко проявляются в осетинской волшебной сказке.

Важной особенностью рассматриваемых сюжетных типов осетинской волшебной сказки является то, что помимо традиционного вида, они получают нетрадиционное развитие за счет контаминации их с самобытными северокавказскими (а также ряда тюркоязычных народов) сюжетами и мотивами. К примеру, сказки на сюжет «Местонахождение души антагониста» сочетаются с сюжетом «Герой освобождает прикованного великана, тот похищает его жену» и т. д. При характеристике конкретных сюжетных типов приведены различные случаи контаминации

«международных» сюжетов со специфическими северокавказскими и осетинскими.

Как показал анализ основных сказочных сюжетных типов, эта особенность присуща и сказкам других народов Кавказа. Поэтому основные сюжетные типы волшебной сказки этих народов образуют единый северокавказский волшебный сказочный цикл.

Осетинская волшебная сказка активно взаимодействует с Нартовским эпосом. Выявление общих сюжетных элементов в волшебной сказке и Нартовском эпосе представляет для данной работы особый интерес, так как эти элементы во многом определяют особенности поэтики осетинской волшебной сказки. В этих жанрах выявлено значительное число совпадений. Однако Нартовский эпос по-разному воспроизводит различные элементы сказочного сюжета. Многие сказочные сюжеты, к примеру, чудесное рождение сказочного героя, богатырское детство, угон героем табуна и др., включаются в него без изменений и выполняют ту же функцию, что и в сказке («Запоздалый и семь его братьев», «Батрадзы хъæзтытæ сывæллонæй» – «Детские игры Батраза»). Эти эпизоды являются общими для волшебной сказки и Нартовского эпоса.

Также выявлены сказочные эпизоды, значительно различающиеся в эпосе и сказке, как по функции, так и по дальнейшему развитию. К таким сказочным эпизодам относятся следующие: рождение героя после смерти или исчезновения отца или братьев; великан, ставящий герою трудные задачи и т.д.

Как показал анализ взаимодействия осетинской волшебной сказки и Нартовского эпоса, эпос воспринял многие из сказочных сюжетов, эпизодов и мотивов, в одних случаях оставив их без изменений – в сказочной форме, а в других – трансформировав их в соответствии с законами эпического сюжетосложения.

При этом были приведены параллели совпадающих сюжетов, эпизодов и мотивов из сказок других народов Кавказа (абхазов, адыгских народов).

Проведенный анализ показал, что взаимодействие волшебной сказки с Нартовским эпосом является характерной особенностью фольклора абхазо-адыгских народов.

Итак, значительное место в репертуаре осетинской волшебной сказки занимают универсальные сюжетные типы, имеющие соответствия в международном каталоге Аарне-Томпсона, в фольклоре целого ряда тюркоязычных народов. При этом специфика отбора и интерпретации в осетинской сказке «международных» сюжетов обусловлена своеобразием исторической жизни осетин, их быта, обычаев и художественных традиций.

Глава вторая

Система персонажей осетинской волшебной сказки

(образ и сюжет)

Своеобразие персонажей, встречающихся в сказочных сюжетах, обусловлено спецификой сюжетного состава осетинской волшебной сказки. В сказках, представляющих тот или иной сюжетный тип, есть своя система персонажей с определенными отношениями. Они и формируют движение сказочного сюжета. Важным средством характеристики персонажей являются приемы сюжетосложения, характерные для сказок того или иного типа.

Система персонажей осетинской волшебной сказки, также как и ее сюжетный состав, рассматривается в сопоставлении с аналогичной системой абхазской сказки и сказки адыгских народов, а также восточнославянской. Это позволило выявить как своеобразие изображения персонажей осетинской волшебной сказки, так и общее в совокупности персонажей абхазо-адыгской и русской волшебной сказки.

Как показал анализ, система персонажей осетинской волшебной сказки во многом похожа на систему персонажей сказок других народов Кавказа. В то же время система персонажей осетинской волшебной сказки отличается существенным своеобразием, которое обусловлено спецификой

исторической жизни осетин, их эстетических воззрений, национальной фольклорной традицией.

На формирование системы персонажей осетинской волшебной сказки повлияло ее взаимодействие с Нартовским эпосом и мифологией. Из Нартовского эпоса и мифологии в волшебную сказку органически вошли некоторые мифологические и эпические персонажи. В сказке они подверглись трансформации в соответствии с законами сказочного сюжетосложения, другие персонажи оказали значительное влияние на формирование характеров сказочных персонажей. В свою очередь сказка оказала определенное влияние на развитие сюжетики эпоса. Своеобразие системы персонажей осетинской волшебной сказки определяется тем, какие герои занимают в ней главное место.

При выявлении разновидностей героя осетинской волшебной сказки учитывались избранные сказочным героем средства для достижения поставленной цели – собственная богатырская сила, участие чудесных помощников и т.д. В связи с этим выделены следующие типы героя осетинской волшебной сказки:

1) герой-богатырь («Арсы фырт» – «Сын медведя», «Гадзайы фырт» – «Сын суки», «Арсен», «Мæгуыр лæгæн арсы хъыбыл куыд райгуырди» – «Как у бедняка родился медвежонок», «Æлдар æмæ Хæлын Барæг» – «Алдар и всадник-невидимка», «Ох-ох æмæ мæгуыр лæджы фырт» – «Ох-ох и сын бедняка», «Мæгуыр лæг æмæ ус» – «Бедные муж и жена»;

2) «иронический удачник» («Фæныкгуыз» – «Сидящий в золе», «Алдар и всадник-невидимка», «Æртæ æфсымæры» – «Три брата», «Сказка о семиголовом белом великане и залиаг змее», «Мæликк» – «Малик», «Запоздалый и семь его братьев», «Ссæдз фырты аргъау» – «Сказка о двадцати сыновьях»;

3) герой, достигающий своей цели благодаря участию чудесных средств или помощников («Борæты къулбадæджы фырт æмæ мæличчы

фырт» – «Сын вдовы Бораевых и сын малика», «Арвы айдæн» – «Небесное зеркало», «Бедные муж и жена»).

В образе одного персонажа, как правило, сочетаются черты героев разного типа. К примеру, «иронический удачник» бывает наделен чертами героя-богатыря, а герой-богатырь иногда прибегает к помощи чудесных средств или помощников.

Своеобразие системы персонажей осетинской волшебной сказки часто обусловлено спецификой быта осетин, их обычаями и традициями, этическими представлениями. Но главным является влияние конкретно-исторических условий, в которых жили создатели этой сказки. Именно в этих условиях и сформировался идеал горца, патриота, защитника Родины, бесстрашного в бою, почтительного к старшим, скромного – совершив подвиг, он не ищет славы, богатства, награды, а уезжает, продолжая свой путь к поставленной цели. Герой осетинской волшебной сказки отличается рыцарским отношением к женщине – рискуя остаться в подземном мире, он не поддается на уговоры младшей из спасенных им девушек выбраться на землю раньше нее («Сарты фырт» – «Сын Сарта», «Алыбег» – «Алибег», «Ханы фырт» – «Сын хана»). Заслуживает уважения его отношение к врагу – он отдает право первого выстрела противнику, так как тот старше него («Царь Караман»).

Именно поэтому героем осетинской волшебной сказки становится герой-богатырь, наделенный этими героическими качествами. В характеристике этого героя прослеживается влияние традиций Нартовского эпоса осетин.

Герой-богатырь. Типологически герой-богатырь осетинской волшебной сказки соответствует богатырю восточнославянской сказки. Основные его признаки – чудесное рождение и огромная сила, которая помогает ему в достижении поставленной цели.

Особое внимание уделено проблеме генезиса мотива чудесного рождения героя-богатыря. По мнению ученых, возникновение в фольклоре

данного мотива связано с представлениями первобытных людей. Он относится к эпохе матриархата, когда зачатие ребенка объяснялось последствием волшебного слова или съеденной пищи. С этими представлениями связано появление в осетинской волшебной сказке мотива чудесного зачатия и рождения героя от съеденных яблок («Æлдар æмæ йæ кæстæр фырт» – «Алдар и его младший сын», «Алдар и всадник-невидимка», «Сын хана» и др.).

Кроме того, в осетинской волшебной сказке распространены мотивы, связанные с представлениями о тотемизме. Несомненной древностью обладает мотив рождения богатыря от брачной связи человека с животным. В сказке «Сын медведя» отцом героя является медведь, похитивший в лесу обыкновенную девушку и сделавший ее своей женой. От этого брака родился сын, наделенный необычной богатырской силой.

Позже этот мотив заменяется мотивом похищения и воспитания будущего героя каким-либо зверем или животным. В сказках «Бедные муж и жена», «Арсен» будущий герой, как правило, долгожданный ребенок бедных родителей, бывает похищен медведем.

В сказке «Хуыгæсы фырт» – «Сын свинопаса» похитителем оказывается великан. Однако чаще всего великан берет на воспитание будущего героя с согласия его родителей. Он заботится о нем, кормит его необычной пищей – «оленьим мозгом и костным жиром». Основной заботой великана-воспитателя является сила его подопечного. Поэтому он время от времени проверяет силу своего воспитанника и от души радуется его успехам.

Сказки «Асæго» – «Асаго», «Арсен», «Уæйыджы хъан» – «Воспитанник великана», «Сын Сарта», «Сын хана», «Рæстдзинад нæ сæфы» – «Правда не пропадает» и другие отражают древний обычай аталычества у осетин. Этот обычай был вызван социальной необходимостью и перестал существовать с изменением социальных условий. Особенности аталычества выявляются при сравнении волшебных сказок с Нартовскими сказаниями. Герои осетинских волшебных сказок становятся воспитанниками до совершеннолетия и

возвращаются к отцу, как в сказках «Уæйыджы хъан» – «Воспитанник великана», «Асæго» – «Асаго», или же временно пребывают в доме своего воспитателя – для выполнения своей цели («Сын Сарта», «Сын хана», «Правда не пропадает» и др.).

Герой осетинской волшебной сказки обычно рождается после гибели или исчезновения отца или братьев («Запоздалый и семь его братьев», «Алибег»). Такие эпизоды, как описание рождения героя, с раннего детства проявившего огромную силу, богатырские игры юного героя со сверстниками, испытание матери горячей пищей с целью узнать правду об исчезновении или гибели отца или братьев, укрощение отцовского коня, отправление в путь для свершения мести являются сходными для осетинской волшебной сказки и Нартовского эпоса. Это сходство не случайно, так как именно в этих эпизодах наиболее ярко проявляются рыцарские качества героя-богатыря. Различие состоит в том, что эпическое повествование заканчивается сразу после того, как герой мстит за своего отца. В волшебной сказке этот эпизод обычно контаминируется с различными сказочными сюжетами.

Общей чертой героев-богатырей осетинской волшебной сказки и Нартовского эпоса является огромная сила, которая впервые обнаруживается уже в колыбели, когда будущий герой «разрывает лямки колыбели» («Идæдзы фырт» – «Вдовый сын», «Алымбеджы фырт Алымбег» – «Алымбег – сын Алымбега» и др.).

Необыкновенная сила будущего героя-богатыря проявляется во время его игр со сверстниками, когда никто не может его одолеть ни на скачках, ни в стрельбе из лука, ни в метании камней и т.д. Также герой демонстрирует свою силу при выборе и укрощении коня («Запоздалый и семь его братьев», «Сын Сарта», «Странствующий всадник», «Правда не пропадает»).

Подобным испытаниям подвергаются также и герои в сказках других народов Кавказа (в адыгской – «Курджимуко Лаурсен», «Сказка об Оне» и др.). Кроме того, укрощение коня как проявление богатырства перекликается

с аналогичным мотивом осетинского Нартовского эпоса («Хæмыцы фырт Батрадз æмæ Деденæджы фырт Арæхдзау» – «Батрадз, сын Хамыща, и Арахдзау, сын Деденага»).

Проявление силы героя-богатыря осетинской волшебной сказки наблюдается и в его борьбе с врагами. При этом сказочник чаще всего сообщает итог богатырского поединка («Мæгуыр лæджы æртæ лæппуйы аргъау» – «Сказка о трех сыновьях бедняка», «Сын Сарта», «Сказка о черном алдаре», «Сказка о семиголовом белом великане и залиаг змее»). Однако в некоторых сказках подробно описываются сцены поединка героя с антагонистом («Запоздалый и семь его братьев»).

Описание подобного единоборства характерно и для Нартовского эпоса осетин. При этом как герой-богатырь волшебной сказки, так и эпический герой, одержав победу над антагонистом, подчиняет его, заставив безропотно служить себе.

Как правило, герою осетинской волшебной сказки нужно выполнить три-пять трудных задачи. Каждая из этих задач, в свою очередь, обычно состоит из нескольких эпизодов. К примеру, чтобы добыть волшебную шубу, герою сказки «Æрхуы мæсыджы бадаг Бурчызг» («Златокудрая девушка – хозяйка медной башни») предстоит преодолеть следующие препятствия:

- 1) пройти через кислый родник,
- 2) полакомиться кислыми яблоками,
- 3) обезвредить железнюкловых ястребов и кровожадных волков,
- 4) найти способ открыть железную дверь.

Чаще всего герой осетинской волшебной сказки совершает различные подвиги, преодолевает разного рода препятствия и побеждает своих врагов благодаря собственной богатырской силе.

Герой-богатырь рассматриваемого типа встречается не только в осетинских, но и в сказках других народов Кавказа. Например, в адыгских сказках – «Батыр, сын медведя», «Воспитанник великана», «Сказка о

Каирбеке», «Аслануко, сын льва» и др., в абхазской «Сказке о трех сыновьях князя» и др. Характеристика героя в сказках этих народов почти одинакова.

«Иронический удачник». Значительным своеобразием отличается и «иронический удачник». Сказочный персонаж этого типа наделен многими чертами героя-богатыря. «Иронический удачник», как и герой-богатырь, воплощает в себе идеальные черты горца, который чтит традиции и обычаи своего народа, строго следует традиционному национальному этикету во всем.

Герой этого типа скрывает свою богатырскую силу и ведет себя как никчемный, безразличный ко всему, человек. Такие сказки как «Сказка о семиголовом белом великане и залиаг змее», «Запоздалый и семь его братьев», «Сказка о двадцати сыновьях» и другие повествуют о младшем брате – «ироническом удачнике», который спасает своих старших братьев от смерти, добывает им жен и богатства, а те вероломно оставляют его в подземном мире, где он побеждает дракона и с помощью благодарной орлицы выбирается на землю. В сказках этой группы старшие братья изображаются физически немощными, завистливыми, трусливыми, коварными. А в младшем брате воплощен народный идеал юноши.

В патриархальной семье, по суровым адатам гор, старший брат в был господином для младших как в доме, так и в обществе. Адаты с колыбели внушали младшим уважение к старшим, учили послушанию и беспрекословному подчинению.

При разделе наследства старшему брату выделялся особый пай. Казалось бы, при таком положении дел, в сказках старшие братья должны бы вызывать к себе уважение. Но, в рассмотренных нами сказках даже не упоминается «первое правило патриархальной семьи», по которому «сын подчиняется отцу, и младший – старшему».⁶

Кроме того, поведение героя объясняется тем, что в доме нет ни матери, ни сестры, и младший из братьев обязан вести хозяйство. При этом, по

⁶ Пфафф В.Б. Народное право осетин. – ССКГ. – 1876. – 1. – С. 184.

представлениям горцев, мужчине не положено заниматься домашним хозяйством. Это дает повод старшим братьям и окружающим относиться к нему с пренебрежением.

Е.М. Мелетинский пишет: «Злоупотребление старшими своим положением, приниженное положение младшего вызвали к жизни протест, а вместе с ним и стремление осмеять старших как носителей горских адатов, которые были узурпаторами коллективной собственности, нарушителями родовых традиций, преступными эгоистами».⁷

Обычно в начале сказки старшие братья превосходят забитого, ленивого, одетого в старье героя. Но в нужный момент он проявляет и силу, и ум, и смелость. Однако старшие братья, пользуясь привилегированным положением в обществе, по-прежнему насмеваются над ним.

С таким же презрением к герою относятся и родственники жены. В сказке «Мæгуыр лæджы æртæ лæппуйы аргъау» – «Сказка о трех сыновьях бедняка» алдар, узнав, за кого решила выйти замуж его младшая дочь, приказал поселить их обоих в курятнике. Однако вторая часть сказочного повествования раскрывает превосходство «иронического удачника» над теми, кто относился к нему иронически. Хоть герой и живет пока в курятнике, одет в старье, тем не менее в борьбе с врагом он проявляет богатырскую силу, отвагу, ловкость и бесстрашие.

Наиболее ярко сила героя проявляется во время схватки с диким кабаном, вражеским войском и в поисках необыкновенных лекарств для больного тестя («Сказка о трех сыновьях бедняка», «Æхсарджын чызг» – «Отважная девушка»). Наглядно продемонстрировав свое превосходство над теми, кто пренебрегал им, он не скрывает насмешливого отношения к ним. К концу сказочного повествования меняется и внешний облик «иронического удачника».

⁷ Мелетинский Е.М. Генезис образа героя волшебной сказки / Известия АН СССР, отд. лит. и языка. – Т. XVI. – Вып. 1. – С. 137.

«Иронический удачник» прибегает и к помощи чудесных помощников или чудесных предметов. Однако главными оказываются его собственные, «временно скрываемые», богатырские качества, благодаря которым он доказывает свое превосходство над теми, кто его унижал.

Герой, достигающий цели благодаря чудесным помощникам. Герой этой разновидности лишен ярких национальных примет, причем не только в осетинской, но и в сказке других народов Кавказа.

Благодаря участию чудесных помощников достигают поставленной цели герои таких осетинских сказок, как «Сын вдовы Бораевых и сын малика», «Бедные муж и жена», «Небесное зеркало» и др.

Обычно в осетинской волшебной сказке герои этого типа характеризуются по социальной принадлежности. Герой может быть как сыном бедняка («Сказка о трех сыновьях бедняка», «Бедные муж и жена», «Арсен», «Эрзерумский охотник»), или сыном бедной вдовы («Запоздалый и семь его братьев», «Странствующий всадник»), так и сыном алдара, царя или хана («Роны аргъау» – «Сказка о поясе», «Хъæдын Бæлон» – «Деревянный голубь», «Сын Хана», «Сказка о черном алдаре»). Но, каким бы ни было социальное положение героя, главным является то, что и сын бедняка, и сын алдара достигают поставленной цели благодаря чудесным помощникам.

Чудесными помощниками могут стать как простые люди – пастухи, табунщики («Запоздалый и семь его братьев»), «къулбадаг ус» («Небесное зеркало»), так и люди, наделенные необычными способностями («Сын вдовы Бораевых и сын малика», «Мæгуыр лæджы фырт» – «Сын бедняка», «Иунаг» – «Одинокий»).

Помощниками героя осетинской волшебной сказки становятся и благодарные животные – волк, лиса, рыба, орел («Небесное зеркало», «Æлдары æртæ чызджы æмæ æртæ лæппуы аргъау» – «Сказка о трех дочерях и трех сыновьях алдара»).

Герой рассматриваемого типа логически соответствует Ивану-царевичу восточнославянской сказки.

Итак, самое значительное место среди центральных героев осетинской волшебной сказки занимает герой-богатырь. Главное условие достижения им поставленной цели – богатырская сила. Герой, достигающий цели при помощи чудесных средств или помощников, лишен ярких этнических примет. В образах героя-богатыря и «иронического удачника» отображены героические идеалы данного народа. Строго выполняют требования традиционного национального этикета герои как абхазских и адыгских сказок, так и герои русских волшебных сказок. Это позволяет сделать вывод о том, что типология героев осетинской волшебной сказки в основном соответствует образам героев абхазо-адыгских и русских сказок. При этом эти образы отличает национальное своеобразие. Оно обусловлено исторической жизнью осетин, спецификой их быта, традиционными особенностями фольклора.

Глава третья

Традиционные формулы и общие места осетинской волшебной сказки

Изучение поэтики и стиля осетинской волшебной сказки включает и исследование ее стабильных поэтических структур – традиционных формул и общих мест. Эти стабильные поэтические структуры рассматриваются в сравнении с аналогичными средствами осетинского Нартовского эпоса и волшебной сказки разных народов. Наряду с общими для эпоса и сказки средствами, нами выявлены сугубо сказочные формулы и типические места, общие как для осетинских сказок, так и для сказок других народов Кавказа и русской сказки. Как показал проведенный анализ, специфика стереотипных средств выражения осетинской сказки состоит в том, что наряду с большим количеством традиционных формул в ней содержится значительное число типизированных ситуаций, единых и для волшебной сказки и для Нартовского эпоса. Поэтому можно сделать вывод о том, что жанр

волшебной сказки развивался в условиях взаимодействия с Нартовским эпосом.

Жанр осетинской волшебной сказки выработал свою систему стереотипных художественных структур. Ее составляют традиционные формулы и «общие места», которые до сих пор рассматривались в совокупности: в таком случае понятие «традиционные формулы» охватывает и «общие места» сказки. Это связано с тем, что данные стабильные поэтические структуры объединяет ряд общих признаков: многократная повторяемость, несвязанность с определенным сюжетом, но при этом структурно-композиционная устойчивость, вариативность. Также сходны функции традиционных формул и «общих мест» – они являются средством характеристики сказочных персонажей, развития сюжета и существенным композиционным элементом.

Однако между традиционными формулами и общими местами существуют и различия. Традиционные формулы незаменимы в композиции сказки: они обозначают ее начало (инициальные формулы), конец (финальные формулы), или переход от одного эпизода к другому. Общие места этой функции не выполняют.

Другое различие состоит в том, что традиционные формулы, как правило, невелики по размеру. Для характеристики богатырской силы, проявляемой героем волшебной сказки уже в детстве, осетинский сказочник использует традиционную формулу: «Уалынмæ лæппу йæхи айвæзта æмæ авдæны æппæт бæттæнтæ дæр ратыдта» («Идæдзы фырт» – «Сын вдовы», «Алымбег – сын Алымбега»). Общие места в сказочном повествовании обычно занимают значительное место. К примеру, описание борьбы героя с антагонистом, общее для сказок народов Северного Кавказа, в разных текстах осетинской волшебной сказки совпадает буквально – это типическое место. Очень ярко и поэтично описаны поединок и победа героя над сильным врагом.

Кроме того, традиционные формулы отличаются своей устойчивостью. Общим местам присуща известная вариативность.

В работе рассмотрены все основные разновидности традиционных формул и общих мест осетинской волшебной сказки, определена их роль в создании образов сказочных персонажей и их место в композиции сказки. Была прослежена степень стабильности и вариативности формул и общих мест.

Инициальные формулы. Инициальная формула – это своеобразная экспозиция, определяющая место и время сказочного повествования, представляющая слушателям основных персонажей и вводящая их в исходную сказочную ситуацию. Основная задача этой своеобразной экспозиции – выявить отношение сказочника к сказочным событиям.

Инициальные формулы представлены несколькими типами. Наибольшим числом примеров представлены зачины, утверждающие существование героя: «Уыди Хъараман-паддзах» («Царь Караман»), «Раджы уыди иу æлдармæ æхсæз æххуырсты. Уыдонæй иу хуынди Аббайкуыцыкк» («Аббайкуыцыччы аргъау» – «Сказка об Аббайкуцуке»), «Хорз мæликкæн хорз цуанон уыди» («Мæликк æмæ цуанон лæг» – «Малик и охотник»).

Зачины второго типа характеризуют социальное и семейное положение героя и вводят слушателя в действие сказки. При этом зачины, констатирующие существование героя, а также зачины, характеризующие социальное и семейное положение героя, во всех анализируемых сказках совпадают («Запоздалый и семь его братьев», «Æртæ æфсымæры аргъау» – «Сказка о трех братьях», «Сказка о трех сыновьях бедняка», «Сын бедняка»).

Зачины третьего типа – «топографические», определяют место сказочного действия: «Сæлхæйы хъæуы Сæлхæйы рæсугъд сфæнд кодта моймæ фæцæуын» («Странствующий всадник»), «Иу ханы зæххыл царди зондджын цуанон Елух» («Елух»). В изображении места сказочного действия наблюдаются существенные различия в осетинской и абхазо-адыгской сказке, с одной стороны, и в русской сказке, с другой. Местом сказочного

действия в северокавказской сказке является село, деревня, то есть существование этого места действия не вызывает сомнения у слушателей. В русской волшебной сказке сказочное место действия противопоставляется реальному миру. В ней «топографические» формулы подчеркивают ирреальность места сказочного действия («некоторое царство, некоторое государство» и т.д.).

Зачины четвертого типа – «хронологические», определяют время действия сказки: «Раджыма-раджыма лӕг ӕмӕ ус уыди. Кӕд цардаиккой, чи зоны» («Златокудрая девушка – хозяйка медной башни», «Уыдисны рихи-уылынг лӕг»). «Хронологические» формулы – не частое явление как в сказках народов Кавказа, так и в русской. Эти формулы, как правило, встречаются в зачинах, утверждающих существование героев.

Как показал проведенный анализ, композиционная роль инициальных формул и зачинов осетинской волшебной сказки (как и аналогичных формул абхазо-адыгской сказки) та же, что и в русской сказке. Это экспозиция сказочного повествования. Различие обусловлено спецификой инициальных формул и зачинов северокавказской сказки, которое состоит в том, что в ней сказочник не переключает внимание слушателей на восприятие событий, невозможных в реальной действительности.

Медиальные формулы и общие места. Эта группа стереотипных стилистических конструкций по своему объему и по значению в сказочном повествовании занимает значительное место. Медиальные формулы традиционно подразделяются на две группы:

- 1) сюжетно не обусловленные,
- 2) сюжетно обусловленные.

Назначение формул первого типа – побуждение, проверка или переключение внимания слушателей. Анализ материала показал разную частотность использования медиальных формул данного типа, от наиболее высокой – в русской, средней – в абхазо-адыгской и наименьшей – в

осетинской сказке. Это связано с наличием или отсутствием установки на существование различий между реальным и вымышленным миром.

Формулы второго типа обычно входят в монологи и диалоги сказочных персонажей. Функция сюжетно обусловленных формул заключается в характеристике персонажей, в описании действий сказочных героев.

При изучении традиционных формул и общих мест осетинской волшебной сказки были учтены параллели к ним из аналогичной системы Нартовского эпоса, из абхазо-адыгских и русских сказок, было определено место каждой формулы в композиции сказки; выявлена степень стабильности и вариативности.

Своеобразие системы стереотипных средств выражения в осетинской сказке обусловлено ее сходством с аналогичной системой осетинского Нартовского эпоса. Разница состоит в том, что в эпосе эти средства связаны с именем только одного персонажа, а в волшебной сказке они, как и типично сказочные традиционные формулы и общие места, приобретают подвижность.

В работе выявлен целый ряд типично сказочных стереотипных художественно-стилевых средств; определены традиционные формулы и общие места, характерные как для осетинской сказки, так и для Нартского эпоса.

Как показал анализ, в осетинской волшебной сказке помимо медиальных формул и типических мест, общих как для сказок народов Кавказа, так и для русской, существуют формулы, типичные только для северокавказской сказки.

Для северокавказских и русских сказок общими являются следующие традиционные формулы и общие места: описание женской красоты, богатырские игры сказочного героя, внешний облик старухи, которая становится помощницей героя, описание карлика, перемещения героя в пространстве и во времени, укрощение коня, вызов коня, формула-предупреждение о предстоящих трудностях, обещание родить чудесных

детей, клятва коня хозяину, обещание коня явиться в трудную минуту, диалог героя с антагонистом перед поединком, описание борьбы героя с врагом путем вбивания в землю, диалог героя со старухой, диалог с плачущей девушкой, описание того, как узнать о дальнейшей судьбе героя, формула, произносимая сказочным героем, пробужденным от «смертельного» сна.

Выявлен целый ряд специфических формул и типических мест осетинской волшебной сказки: характеристика героя как прекрасного наездника; укрощение строптивой девушки; формулы приветствий, обещание девушки быть верной женой; самохарактеристика героя. Эти формулы обусловлены социальной, географической и бытовой жизнью осетин. Большинство специфических формул осетинской волшебной сказки встречается и в Нартовском эпосе.

Разнообразна композиционная роль медиальных формул и типических мест. К примеру, формулы укрощения и вызова коня, клятва коня хозяину и диалог героя с будущими чудесными помощниками входят в описание экспозиции.

Формулы женской красоты, необычной силы героя-младенца, богатырских игр юного героя со сверстниками, испытание матери горячей пищей, обещание девушки родить чудесных детей, описание того, как узнать о судьбе героя, и магические формулы используются в описании завязки сказочного действия.

Описание внешности старухи, карлика, диалог героя со старухой, с плачущей девушкой, с плачущим-смеющимся персонажем, самохарактеристика героя входят в описание развития сказочных событий.

Частью кульминации становятся такие формулы и типические места, как описание героя на «огнедышащем» коне, борьба с антагонистом, укрощение строптивой девушки, клятва героини стать ему верной женой, диалог героя с антагонистом перед боем, формула, которую произносит герой, «пробудившийся» от смертельного сна.

Финальные формулы. Финальными формулами, как правило, обозначается конец сказочного действия. Функция этих формул – «вернуть» слушателей из мира сказки в мир реальный.

В отличие от русской сказки, финальная формула которой возвращает слушателя из волшебного в реальный мир, в финале осетинской и абхазо-адыгской волшебной сказки сообщается о победе главного героя, о достижении им поставленной цели, о возвращении в отцовский дом или о счастливой женитьбе, чем в очередной раз подчеркивается *реальность* вымышленного мира. Можно сказать, что «финальные формулы чаще всего носят достоверный характер, то есть сказочник стремится представить события реальными, действительными».⁸

В осетинской волшебной сказке широко распространены финальные формулы, включающие обращение сказочника к слушателям и благопожелания: «Уыдонæй цы нæ фæдтат, бабайы хуртæ, рын, сонæй дæр æндæр мацы фенут» («Запоздалый и семь его братьев»); «Уый æрцыдмæ дзæбæхæй, амондимæ фæцæрæнт, ацы аргъаумæ чи байхъуыста, уыдон» («Цуанон æмæ иудзæстыг уæйыг» – «Охотник и одноглазый великан»).

Часто в конечной формуле осетинской волшебной сказки сообщается о том, что ее герои живут до сих пор: «Уæйыджы хъан ацард сидзæргæс усы хæдзары æмæ афонмæ дæр ма фарнимæ æрвиты йæ бонтæ» («Уæйыджы хъан» – «Воспитанник великана», «Сарт куы бамбæрста, йæ уарзон фырт мард кæй нæ разынд, уый, уæд фырцинай фæстаæмæ лæппулаг фестад, хъыг – цинай, кæнд – куывдай аивта æмæ ма афонмæ дæр цæры æмæ хæры йæ уарзон бинонты астау æнæмæтæй» («Сын Сарта»). Как справедливо заметил Николае Рошияну, «названный тип формулы составляет поэтический прием, а ни в коей мере не отражает убеждения сказочника в бессмертии героев».⁹

Другая разновидность финальной формулы осетинской волшебной сказки – перечисление результатов, которыми заканчивается сказочное

⁸ Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. – М., 1979. – С. 127.

⁹ Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М., 1974. – С. 79.

повествование: «Æфсымæртæ сæ хо (Хадизæты) Хъауырбегæн радтой. Уый йæ йæ фыд Асланæн æркодта, æмæ зæронд Аслан лæппулæг фестад. Амонджынай цæрынтæ байдыдтой: Хъауырбег – хуры чызгимæ, Аслан – Хадизæтимæ, Ислам – Донбеттыры чызгимæ. Хистæр æфсымæртæ та – сæ устытимæ. Бирæ сгуыхтдзинæдтæ ма бантыстис Хъауырбегæн» («Зындгонд хъæбатыр Асланы фырт Хъауырбеджы аргъау» – «Сказка о Каурбеке – сыне знаменитого богатыря Аслана»).

Итак, финальные формулы осетинской волшебной сказки, в основном, имеют стабильное словесное выражение. При этом иногда они, как и инициальные формулы, варьируются. Принципы такого варьирования основаны «на синонимических заменах, амплификации и редукции элементов».¹⁰

В традиционных формулах и общих местах отразилось национальное своеобразие осетинской сказки. В них видны традиционные эпические представления осетин. Проведенный анализ показал сходство традиционных формул и общих мест осетинской волшебной сказки с аналогичными стереотипными средствами абхазо-адыгских сказок. Это говорит о взаимодействии сказочной традиции осетин и абхазо-адыгских народов.

Глава четвертая

Некоторые изобразительные средства осетинской волшебной сказки

Важнейшие особенности изобразительных средств осетинской волшебной сказки обусловлены своеобразием ее сюжетного состава и системы персонажей.

Среди изобразительных средств осетинской волшебной сказки главным в характеристике сказочных персонажей является **эпитет**.

¹⁰ Герасимова Н.М. Формулы русской сказки: (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) /Советская этнография. – 1978. – №5. – С. 27.

Эпитеты осетинской волшебной сказки рассмотрены как средство характеристики и типизации сказочных персонажей, связанных с ними событий, предметно-бытового и пространственного фона сказочного действия.

Эпитет осетинской волшебной сказки рассматривается в сопоставлении с эпитетом Нартовского эпоса, а также с эпитетами сказок других народов Кавказа, в частности, со сказкой абхазо-адыгских народов.

Перечень эпитетов, их разновидности и эстетическая роль зависят от темы и сюжета произведения, а главное, от системы сказочных персонажей: «и в былине, и в песне, и в балладе, и в сказке характер эпитета зависит от традиционного характера персонажа».¹¹

Среди всех сказочных персонажей эпитет выделяет героя, определяет его разнообразные черты вплоть до элементов психологического состояния. Эпитет характеризует внешность героя – «сызгъæринкоцораджын лæппу» («Златокудрая девушка – хозяйка медной башни», «Сын Сарта», «Сын вдовы Бораевых и сын малика») и героиню – «алæмæты рæсугъд» («Æрыгон цуаноны аргъау» – «Сказка о молодом охотнике»), «дунейы рæсугъд» («Сын Сарта», «Златокудрая девушка – хозяйка медной башни»), «сызгъæринхил чызг», «æвзистбецыкджын чызг» («Златокудрая девушка – хозяйка медной башни», «Алдар и всадник-невидимка»). Эпитет определяет внешний вид, психологическое состояние сказочных персонажей, акцентируя на них внимание. Благодаря эпитету четче и выразительней становится характеристика антагонистов.

Особым отбором эпитетов для характеристики врагов (антропоморфных и зооморфных) и чудесных помощников обусловлен своеобразием осетинской волшебной сказки. При этом общесказочные эпитеты специфически сочетаются с эпитетами самобытными.

¹¹ Кравцов Н.И. К изучению эпитета в русской фольклористике / Фольклор как искусство слова. – Вып. 4. Эпитет в русском народном творчестве. – М., 1980. – С. 9.

Национальную специфику осетинской волшебной сказки подчеркивают эпитеты, характеризующие место действия сказки.

Анализ эпитетики осетинской волшебной сказки позволяет сделать вывод о том, что осетинская волшебная сказка выработала свою систему эпитетов, в которую входят и типично сказочные эпитеты – постоянные, ситуативные, индивидуальные определения и определения предметов и явлений с бытовой стороны.

Одним из распространенных художественных средств волшебной сказки является **гиперболизация**. В данном исследовании выявлены самые устойчивые и частые гиперболические описания. По степени их распространенности выделяются *типические гиперболы*, встречающиеся в ряде сюжетных ситуаций («пребывание героя-богатыря в пути», «сокращение» эпического пути», «богатырская схватка», «одоление сказочной героиней героев-сватов» и т.д.) и *атрибутивные* (единичные) *гиперболические описания* («встреча героя-богатыря с великаном», «встреча героя-богатыря с женой великана», «пища орла» и т.д.).

Наиболее часто используемым в устном народном творчестве художественным средством является **повторение**. С его помощью выявлено своеобразное изображение чувств и переживаний сказочных героев осетинской волшебной сказки.

Изобразительные средства осетинской волшебной сказки генетически связаны, с одной стороны, с осетинской мифологией и Нартовским эпосом, а с другой стороны – с реальной жизнью осетин, их бытом, традициями и обычаями, с их представлениями о красоте, об идеале. Это и обусловило национальную специфику изобразительных средств осетинской волшебной сказки.

В заключении обобщаются результаты настоящего исследования.

Как показал анализ, осетинская волшебная сказка имеет много сходных черт как с Нартовским эпосом, так и с абхазо-адыгскими и русскими сказками. В то же время особенности осетинской волшебной сказки на

уровне сюжетного состава, системы персонажей, изобразительных средств отражает особенности социальной истории осетин, их быта, традиций и обычаев.

**Основные положения настоящей диссертации нашли отражение в
следующих публикациях:**

1. Фæлхат кæныны мадзал ирон алаъмæты аргъæутты (Повторения в осетинских волшебных сказках) / Осетинская филология: история и современность: Сборник статей. – Владикавказ, 1999. – Вып. 4. – С. 7-13.
2. Фольклорные истоки сказки К.Л. Хетагурова «В пастухах» / Тезисы международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения К. Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – С. 155-156.
3. Ирон алаъмæты аргъæутты архайджыты мидсагъæсты равдыст (Изображение внутренних переживаний персонажей осетинской волшебной сказки) / Журналистика, филология, история – эволюция и проблемы: Материалы научно-практической конференции сотрудников и студентов ОФЖ. – Владикавказ, 2000. – С. 12-13.
4. Этнопоэтика осетинского фольклора: проблема изобразительных средств в волшебной сказке / Тезисы докладов международной конференции «Филология и журналистика на рубеже тысячелетий». – Ростов-на-Дону. – 2000. – С. 15-16.
5. Ирон алаъмæты аргъæутты аивадон мадзæлттæ (Изобразительные средства осетинской волшебной сказки) //Мах дуг. – 2002. - №2. – С. 30-35.
6. Ирон алаъмæты аргъауы медиалон формулæтæ æмæ иумæйаг бынæттæ (Медиальные формулы и общие места осетинской волшебной сказки) / Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия: Материалы региональной

научно-практической конференции, посвященной памяти проф. К.Е. Гагкаева. – Владикавказ, 2002. – С. 20-29.

7. Фæлгонц аразæг мадзæлттæ ирон алæмæты аргъæутты (Средства создания образа осетинской волшебной сказки) / Наукон-практикон конференци «Ирон æвзаг æмæ литературæ: Истори æмæ ныры дуг»: ЦИПУ-йы ирон æвзаг æмæ литературæйы кафедрæйы 75 азы юбилейы фæдыл. – Дзæуджыхъæу, 2002. – 15-16 ф.
8. Ирон алæмæты аргъæуы инициалон æмæ финалон формулæтæ (Инициальные и финальные формулы осетинской волшебной сказки) / Ныфс: Ирон литературæ æмæ литературон сфæлдыстады кафедрæты фидиуæг. - №2. – Владикавказ, 2002. – С. 7-16.
9. Ирон алæмæты аргъæуы аивадон дуне (Художественный мир осетинской волшебной сказки) / Сæргмагонд семинары программæ методикон амындтытимæ 2-æм курсы студенттæн.- Дзæуджыхъæу, 2003.

Учебное издание

Асаева Наталья Ахсарбековна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ОСЕТИНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Редактор Г.Г. Васильева
Технический редактор В.В. Гаврилова
Корректор Г.А. Койбаева
Компьютерная верстка Е.В. Осипова

Сдано в набор 17.08.2009. Подписано в печать 21.09.2009.

Лицензия ЛР № 020218.

Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бум. офс. Гарнитура шрифта «Times».

Печать на ризографе. Усл.п.л. 4,68. Уч.-изд.л. 4,35.

Тираж 100 экз. Заказ № 112. С 78.

Издательство Северо-Осетинского государственного университета
имени К.Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.